

УДК 94(470)

DOI: 10.18384/2310-6794-2019-4-26-40

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В ПРОВИНЦИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. (НА МАТЕРИАЛАХ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Плех О. А.

*Институт российской истории Российской академии наук
117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, Российская Федерация*

Аннотация. В статье на основе материалов Российского государственного исторического архива и Государственного архива Вологодской области предпринимается попытка охарактеризовать особенности становления и развития системы провинциальных пенитенциарных учреждений в первой половине XIX в. В исследовании использовались как общенаучные, так и специальные методы познания. Для достижения поставленной цели применялся инструментарий междисциплинарного подхода. Автор приходит к выводу, что в первой половине XIX в. стремление центрального правительства к модернизации уголовно-правовой сферы в духе европейского пенитенциарного опыта столкнулось со значительными трудностями. Выявленные архивные материалы позволили увидеть, что на практике в условиях хронического недофинансирования и ситуационного характера правового регулирования создание пенитенциарных учреждений на местах превратилось в длительный и противоречивый процесс. Результаты исследования могут стать отправной точкой для дальнейшей разработки изучаемой проблемы, могут быть использованы в компаративистских исследованиях, при подготовке учебных пособий и лекционных курсов.

Ключевые слова: пенитенциарная система, тюрьма, острог, полиция, губернский тюремный комитет, провинция, Вологодская губерния, Российская империя, первая половина XIX в.

THE DEVELOPMENT OF PENITENTIARY INSTITUTIONS IN THE RUSSIAN PROVINCE IN THE EARLY 19TH CENTURY (BASED ON THE MATERIALS OF THE VOLOGDA PROVINCE)

O. Plekh

*The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
19, Dmitry Ulyanova st., Moscow, 117292, Russian Federation*

Abstract. The article is based on archival materials from the Russian State Historical Archives and the State Archives of the Vologda Oblast and attempts to characterize the peculiarities of the formation and development of the system of provincial penitentiary institutions in the first half of the 19th century. The author used both general and special scientific methods as well as an interdisciplinary approach. It was concluded that in the first half of the 19th century the central

government sought to modernize Criminal Law following the example of European countries, but faced significant difficulties. The revealed archival materials prove that under the conditions of insufficient finance and chaotic legal regulation, the creation of penitentiary institutions in the province turned out to be a long and controversial process. The results of the study can be used as a starting point for further research, comparative studies, and as data for textbooks and lecture courses.

Keywords: penitentiary system, prison, ostrog, police, provincial prison committee, province, Vologda province, Russian Empire, the first half of the 19th century.

В последние десятилетия исследователи всё больше обращаются к проблемам формирования и развития пенитенциарной системы в Российской империи. Конечно, эти вопросы получали освещение и в дореволюционной, и в советской науке. Однако до 1917 г. публикации в основном носили сугубо теоретический характер и были нацелены на поиск путей совершенствования законодательного регулирования уголовно-исполнительной системы [16; 22; 24], а в советской науке преобладающей доминантой являлся политический аспект карательной политики государства [7; 10; 17]. Пожалуй, наиболее ценным является исследование М. Н. Гернета, в котором автор, впервые привлекая значительный пласт архивных документов, попытался представить комплексный анализ истории царской тюрьмы с середины XVIII до начала XX вв. (несмотря на идеологические «перегибы» и явный «перекос» в сторону политических сюжетов, собранные в этой работе материалы не потеряли актуальности по сей день) [4; 5; 6]. В современной отечественной науке к проблемам карательной политики императорской России обращаются не только правоведы [1; 8; 20; 21], но и историки. Несмотря на то, что для исторической науки это молодое направление исследований, учёным удалось внести заметный

вклад в разработку интересующей нас проблематики [14; 15; 18; 23]. Сегодня становится очевидным, что дальнейшее изучение вопросов становления и функционирования пенитенциарной системы не может обойтись без привлечения обширных комплексов архивных материалов (в первую очередь из региональных архивов), которые до сих пор остаются своего рода «целиной». Между тем научные работы, базирующиеся на конкретно-исторической документальной основе, главным образом представлены исследованиями, охватывающими период второй половины XIX – начала XX вв. [2; 11; 13]. В гораздо меньшей степени ретроспективному анализу подвергаются особенности становления и функционирования тюремной системы на местах в XVIII – первой половине XIX вв., что, по всей видимости, связано с фрагментарностью источниковой базы [3; 9; 12; 19].

В центре внимания настоящей работы – система пенитенциарных учреждений первой половины XIX в.: на материалах Вологодской губернии предпринимается попытка осветить особенности её становления и развития в провинции. В указанных географических и хронологических рамках эти вопросы ещё не становились предметом научного анализа. Документальную основу исследова-

ния составляют материалы, сохранившиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) и Государственном архиве Вологодской области (ГАВО).

Первая половина XIX в. стала временем, когда государство впервые попыталось упорядочить пенитенциарную сферу. Именно в этот период тюремное заключение вошло в уголовно-исполнительную практику как наказание, назначавшееся для всех слоёв населения за самые разные правонарушения. Однако широкое распространение такое лишение свободы получило далеко не сразу, что было связано в первую очередь с довольно медленным процессом развития сети общеуголовных мест заключения. Ещё в последней четверти XVIII в. был принят ряд указов¹, заложивших основы пенитенциарной политики государства. Согласно этим

законодательным нормам, в провинции должны были функционировать следующие типы учреждений для содержания арестантов:

1. В каждом губернском городе – губернская *тюрьма* (или острог), а в каждом уездном городе, соответственно, – уездная. Предполагалось, что в них будут отбывать наказание совершеннолетние вменяемые преступники.

2. В каждом губернском городе при приказе общественного призрения создавались *смирительные дома* для содержания «людей обоего пола, которые непотребного и невоздержанного жития»².

3. Во всех губерниях предписывалось открыть *рабочие дома* (подчинённые приказу общественного призрения) для преступников, «обличённых в краже, грабеже и мошенничестве»³.

4. При каждой городской полиции учреждались «*особые каморы*» для досудебного содержания и отбывания административного ареста.

Отметим, что в первой четверти XIX в. не существовало нормативного правового акта, в котором бы закреплялась система пенитенциарных учреждений (Положение о тюрьмах Екатерины II, пометкому замечанию М. Н. Гернета, ока-

¹ Указ от 03.04.1781 «О суде и наказаниях за воровство разных родов и о заведении рабочих домов во всех губерниях» // Полное собрание законов Российской империи. Ч. 1. Т. 21. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1830. С. 108–109.

Устав Благочиния или Полицейский от 08.04.1782 // Полное собрание законов Российской империи. Ч. 1. Т. 21. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1830. С. 461–488.

Указ от 31.01.1783 «О заведении во всех губерниях для преступников, обличённых в краже, грабеже и мошенничестве, рабочих домов особых от тех, кои по Учреждению о губерниях назначены, и об употреблении на сие денег из суммы, определённой в каждой губернии на строение» // Полное собрание законов Российской империи. Ч. 1. Т. 21. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1830. С. 860–861.

Учреждения для управления губерний Всероссийской империи от 07.11.1775. // Полное собрание законов Российской империи. Ч. 1. Т. 20. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1830. С. 229–304.

² Учреждения для управления губерний Всероссийской империи от 07.11.1775 // Полное собрание законов Российской империи. Ч. 1. Т. 20. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1830. С. 274.

³ Указ от 31.01.1783 «О заведении во всех губерниях для преступников, обличённых в краже, грабеже и мошенничестве, рабочих домов особых от тех, кои по Учреждению о губерниях назначены, и об употреблении на сие денег из суммы, определённой в каждой губернии на строение» // Полное собрание законов Российской империи. Ч. 1. Т. 21. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1830. С. 861.

залось «мертворождённым» проектом [4, с. 111–120]). Создание и функционирование перечисленных выше мест лишения свободы регулировались разрозненными законодательными нормами довольно расплывчатого содержания, а формирование нормативно-правовой базы в сфере тюремного дела шло по прецедентному пути и, как правило, касалось решения частных вопросов (в основном относительно покрытия расходов на содержание мест заключения) [4, с. 138–139].

Отсутствие продуманной общеперской стратегии развития пенитенциарной системы тормозило процесс создания сети учреждений на местах, что наглядно демонстрируют обнаруженные в ходе исследования документы. В Вологодской губернии строительство мест заключения растянулось на десятилетия. Так, по данным на 1800 г., среди казённых зданий, расположенных в губернском городе, упоминались следующие: существовавший до 1780 г. «деревянный ветхий острог» и «вновь построенный» каменный с тремя казармами для содержания мужчин, одной для женщин и двумя для «секретных» арестантов («планов и фасадов» оба здания не имели)¹. Среди уездных городов казённые здания тюрем были только в Кадникове («деревянная тюремная изба ветхая», построена по указанию генерал-губернатора, планов и фасадов не имела) и в Грязовце («деревянная тюремная изба ветхая», построена до 1780 г., планов и фасадов не имела)². Все остроги состояли под присмотром городничих (штат-

ные должности смотрителей тюрем не предусматривались). В 1781–1782 гг. приказу общественного призрения было передано каменное здание бывшей Вологодской провинциальной канцелярии (строение пережило пожар и с 1773 по 1781 г. пустовало), где после ремонта разместились «в верхнем этаже больница на тридцать кроватей, а в нижнем – рабочий и смиренный дом»³. Таким образом, за 20 лет существования наместничества удалось построить только две тюрьмы. В большинстве уездных городов казённых тюремных зданий вовсе не имелось: здесь правонарушители находились в непригодных для этого помещениях при городнических правлениях. Что же касается смиренного и рабочего домов, они не получили отдельных зданий и размещались как одно учреждение в здании, также непригодном для содержания заключённых.

В первое десятилетие XIX в. правительство озаботилось устройством уездных тюрем. В Великом Устюге тюрьму разместили в каменном корпусе бывшего архиерейского дома, где на верхнем этаже располагалась городская полиция, а на нижнем – караульная и две тюремные комнаты (одна женская и одна мужская). В восьми уездных городах из уездных казначейств было разрешено выделять средства на возведение новых зданий. Так, в 1804 г. остроги появились в Грязовце и Ярёнке, в 1805 – в Кадникове, в 1806 – в Вельске и Тотьме, в 1807 – в Никольске, в 1813 – в Сольвычегодске. В ходе настоящего исследования удалось обнаружить архивные материа-

¹ Государственный архив Вологодской области (далее ГАВО). Ф. 388. Оп. 8. Д. 94. Л. 5.

² Там же: л. 5 об.–7 об.

³ ГАВО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 8. Л. 16а.

лы, сохранившие описание этих тюрем¹. Отметим, что подобного рода документы представляют особый интерес для исследователей, поскольку в первые десятилетия XIX в. на законодательном уровне не было утверждено единых строительных норм для мест заключения (в т. ч. образцовых планов зданий) и правил их внутреннего обустройства.

Итак, в уездных городах возводились небольшие одноэтажные крытые тёсом деревянные здания в основном размером 9 × 10 сажений (за исключением Тотемского острога, занимавшего всего 5 × 4 сажени). Во внутренней планировке выделялись казарма для мужчин и казарма для женщин (в отдельных случаях устраивались ещё комнаты для «секретных» арестантов). На окнах устанавливались железные решётки, двери запирались на засовы, помещения отапливались печами (по одной в каждой казарме). Из внутреннего убранства упоминались только деревянные «нары со столбиками». При тюрьме устраивалась кордегардия для «караульных» воинских чинов (за исключением Вельского острога) размером не более 2,5 × 2,5 сажени. Вокруг строения возводили деревянный тын. Строительство таких тюремных изб обычно занимало несколько лет, однако в некоторых случаях могло затянуться (так, в Сольвычегодске потребовалось 6 лет), что, видимо, было связано с нехваткой средств в местных бюджетах.

В научной литературе, как правило, акцентируется внимание на тяжёлых условиях пребывания в местах заклю-

чения: перенаселённость помещений, несоблюдение правил гигиены, отсутствие медицинского персонала, недостаток средств на продовольствие и пр. [4, с. 321–328; 15, с. 43–44]. Всё это в полной мере справедливо и подтверждается многими документами, характеризующими состояние тюрем в разных губерниях. К этому следует добавить, что после Отечественной войны 1812 г. кризис в экономике и опустение государственной казны не позволяли улучшить положение дел в пенитенциарной сфере. Строительство новых зданий практически прекратилось, а те, которые функционировали, постепенно приходили в «ветхость» и требовали ремонта.

Так, по данным на 1818 г., в Вологодской губернии губернский острог всё ещё размещался в каменном здании, построенном в конце XVIII в. Здание нуждалось в капитальном ремонте (в первую очередь в замене кровли и полов). Требовалась «починка» и каменного здания, располагавшегося в Великом Устюге. Из уездных тюрем, находившихся в деревянных строениях, четыре пребывали в нормальном состоянии, а две пришли в совершенную «ветхость»². В Устьсысольске вовсе не было отдельного тюремного здания.

Для охраны заключённых назначалось необходимое число караульных из нижних воинских чинов. Что же касается собственно тюремного персонала, здесь ощущался явный их недостаток: только при губернской тюрьме предусматривались должности смотрителя и 4 низших служащих. Надзор за

¹ ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 350. Л. 36–36 об., 38–38 об., 41–41 об., 43–43 об., 47, 52, 53 об., 56.

² ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 350. Л. 32 об., 36–36 об., 38–38 об., 41–41 об., 43–43 об., 47, 52, 53 об., 56.

уездными острогами поручался городничим, что неслучайно, поскольку специальных помещений при городской полиции для досудебного содержания и отбывания административного ареста не существовало (исключение составляла только Вологодская полиция), т. е. лица, находящиеся под следствием, и осуждённые не разделялись (как не разделялись и осуждённые в зависимости от категорий преступлений).

Общее число «колодников» вместе с арестантами обыкновенно не превышало 350 человек по губернии (в уездных острогах не более 20–30 человек). Однако необходимо указать, что послевоенный период для многих губерний отличился «запущенностью» дел, что, как правило, приводило к заметному росту количества арестантов. И в этом плане Вологодская губерния не была исключением. В частности, в 1820 г. вступивший в должность вологодского губернатора И. И. Попов в отчёте указал, что при его предшественнике число нерешённых дел достигло 1265, а «содержащихся по оным арестантов» – 165. К этим лицам прибавилось ещё 211 человек, попавших под суд уже в 1820 г. И хотя усилиями нового начальства удалось привести к окончанию дела, относящиеся до 244 лиц, к концу 1820 г. количество заключённых всё ещё насчитывало 132 человека¹. Конечно, столь большое число лиц (к которому следует прибавить ещё и осуждённых, уже отбывавших наказание) не удавалось разместить в действовавших тюрьмах. Из документов следует, что многих арестантов отпускали на поруки до решения их дел.

¹ ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 413. Л. 20–20 об.

К 1820 г. смирительный и рабочий дома так же, как и в начале века, функционировали как одно учреждение и делили здание с больницей. Для караула командировали людей из внутреннего батальона. Особых смотрителей не предусматривалось (надзор поручался смотрителю при больнице). Число содержащихся здесь лиц было весьма небольшим: в смирительном доме 7 человек, в рабочем – 3. Последние употреблялись «на работы внутри заведений» приказа общественного призрения («на порубку дров и для опрятности»)².

В качестве знакового события, оказавшего положительное влияние на формирование пенитенциарной системы, исследователи склонны рассматривать учреждение Попечительного о тюрьмах общества [4, с. 329–338; 19, с. 200–203]. Согласно утверждённым в 1819 г. «Правилам», основная деятельность Общества была нацелена на содействие улучшению нравственного облика арестантов и бытовых условий в местах заключения³. Попечение осуществлялось за счёт добровольных пожертвований. Предполагалось, что к 1822 г. во всех губерниях появятся губернские и уездные тюремные комитеты. Вологодский попечительный комитет о тюрьмах был открыт к осени 1822 г.⁴. Что же касается уездных комитетов, процесс их создания

² ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 413. Л. 14 об.

³ Высочайше утверждённый доклад министра духовных дел и народного просвещения от 19.07.1819 «Об учреждении в России Попечительного общества о тюрьмах» // Полное собрание законов Российской империи. Ч. 1. Т. 36. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1830. С. 306–314.

⁴ Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1286. Оп. 3. 1822. Д. 10. Л. 2.

затянулся на десятилетие (появились они только в 1834 г.). Деятельность губернского комитета удалось наладить далеко не сразу, что объясняется: во-первых, неясностью статуса и компетенции этого учреждения в системе тюремного управления; во-вторых, трудностями во взаимодействии с местными полицейскими структурами, считавшими места заключения своей сферой деятельности, не требующей постороннего вмешательства; в-третьих, обеспечением работы за счёт «общественных» сборов (в северной провинции с довольно бедным населением было в особенности проблематично обеспечить значимый финансовый приток). Однако положительным итогом учреждения комитетов стало то, что уже с первых лет своей деятельности они стали осуществлять обследования мест заключения. Итоги этих ревизий предоставлялись в столицу в ежегодных отчётах, что заставляло и центральную, и местную власти обращать более пристальное внимание на состояние тюрем.

В 1820-е гг. появились первые нормативные акты¹, устанавливавшие строи-

тельные нормы для тюремных зданий, вводившие «образцовые» планы и правила внутреннего обустройства помещений. В 1831 г. впервые законодательно были урегулированы вопросы, связанные с режимом содержания заключённых (в т. ч. медицинское освидетельствование, вещевое обеспечение, раздельное содержание категорий заключённых, порядок совершения религиозных обрядов и пр.)². Однако одно лишь принятие законов ещё не решало всех проблем. Практическая реализация нововведений, и в первую очередь строительство новых каменных зданий, требовали значительных казённых издержек, которые центральное правительство не могло себе позволить. В связи с чем в 1826 г. появился указ, согласно которому в случае, если тюремный острог пришёл в совершенную ветхость и в городе отсутствует свободное казённое здание для размещения заключённых, разрешалось для этих целей нанимать «приличные» обывательские дома³.

Во второй четверти XIX в. в Вологодской губернии строительство и обустройство тюрем происходило до-

¹ Высочайше утверждённая записка министра внутренних дел от 25.04.1821 «О планах уездным тюремным зданиям» // Полное собрание законов Российской империи. Ч. 1. Т. 37. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1830. С. 699–700.

Предписание управляющего министерством внутренних дел гражданским губернаторам от 28.02.1823 «О постройке в уездных городах тюремных помещений и присутственных мест, сообразно прилагаемым планам» // Полное собрание законов Российской империи. Ч. 1. Т. 38. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1830. С. 809–810. Положение Комитета министров от 05.11.1827 «О планах для строения тюремных замков в губернских городах» // Полное собрание законов Российской империи. Ч. 2. Т. 2. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1830. С. 942–946.

Положение Комитета министров от 07.02.1828 «Об образцовых планах для постройки тюрем в губернских городах» // Полное собрание законов Российской империи. Ч. 2. Т. 3. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1830. С. 112–118.

² Свод законов Российской империи. Т. 14: Уставы о паспортах, о предупреждении преступлений, о цензуре, о содержащихся под стражею, и о ссыльных. Приложение к Учреждению о содержащихся под стражей. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1832. С. 150.

³ Предписание управляющего министерством внутренних дел гражданским губернаторам от 30.09.1826 «Об удобнейшем помещении арестантов» // Полное собрание законов Российской империи. Ч. 2. Т. 1. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1830. С. 1016–1017.

вольно медленно. Ещё в 1824 г. удалось открыть к моменту посещения губернии Александром I новый губернский тюремный замок¹. Он был возведён по «образцовому» проекту и представлял собой довольно крупное двухэтажное каменное здание, вмещавшее не менее 300 заключённых. При нём были учреждены больница и церковь. На содержание тюремного замка требовалось выделять до 2 000 руб. в год². Также в 1824 г. была построена деревянная тюрьма в Устьсысольске (по типу схожая с теми, что возводились в начале XIX в. в других уездных городах). К середине 1840-х гг. каменные остроги появились в Кадникове, Устюге, Тотьме и Сольвычегодске. В остальных уездных городах тюрьмы были деревянными, «весьма ветхими», требовавшими значительного ремонта (за исключением устьсысольской), причём в Вельске, Никольске и Ярёнске их ещё удавалось поддерживать «каждогодными починками», а в Грязовце уже нет³. Здание рабочего и смиренного дома также признавалось ветхим, планировалось возведение нового⁴. Во всех тюрьмах, даже в новых каменных, не было раздельного содержания лиц, находившихся под следствием, и осуждённых. К середине 1840-х гг. были только разработаны проекты и сметы на обустройство помещений для обособленного содержания подсудимых (в одних случаях при полициях, в других – при острогах). Этапов в губернии насчитывалось

86, все они размещались в частных наёмных домах⁵.

Очевидно, что центральное правительство считало слишком высокими затраты на обустройство мест заключения и оказалось не готово выделять средства на повсеместное строительство. Между тем главное губернское начальство Вологодской губернии полагало, что деревянные остроги не простоят долгое время даже при условии капитального ремонта, их нужно было заменить новыми каменными строениями. Ситуация усугублялась ещё и тем, что во многих уездных городах здания присутственных мест также пришли в совершенную «ветхость». По произведённым на месте подсчётам для строительства «удобных каменных домов» для присутственных мест и тюрем требовалось 160 тыс. руб. серебром. В связи с чем в 1844 г. губернатор предложил «для составления означенного капитала» установить в губернии «особый сбор» с обывателей⁶. В столице это предложение одобрили: с 1844 по 1854 г. было разрешено собирать по 4 коп. серебром с каждой податной души и по 0,25% с купеческих капиталов⁷. Следует отметить, что аналогичные мероприятия проводились в 1842–1843 гг. в 19 внутренних губерниях (Воронежской, Казанской, Пензенской, Черниговской, Вятской, Могилевской, Псковской, Тверской, Смоленской, Ярославской, Симбирской, Рязанской, Санкт-Петербургской, Костромской, Калужской, Тамбовской, Архангельской, Полтавской и Оренбургской)⁸.

¹ ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 4159. Л. 9.

² ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 735. Л. 16 об.

³ ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1030. Л. 7–7 об.
ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1093. Л. 5 об.–6.
ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1423. Л. 8–8 об.

⁴ ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1423. Л. 12 об.–13.

⁵ Там же. Л. 8–9 об.

⁶ РГИА. Ф. 1286. Оп. 8. 1842. Д. 607. Л. 24–25 об.

⁷ РГИА. Ф. 218. Оп. 2. Д. 774. Л. 25–25 об.

⁸ РГИА. Ф. 218. Оп. 2. Д. 774. Л. 22 об.

Материалы по Вологодской губернии позволяют увидеть, что численность арестантов во второй четверти XIX в. заметно возросла. Так, за 1828 г. общее количество лиц, содержащихся в местах заключения (и подсудимых, и осуждённых), составило 720 человек (из них 322 – пересыльных)¹. В 1836 г. этот показатель достиг 1061, из них в Вологде – 433, в Устюге – 106 (табл. 1). Находившиеся под следствием размещались отдельно от осуждённых только в Сольвычегодске. Удельный вес женщин среди общего числа лиц, пребывавших в исправительных учреждениях в 1836 г., равнялся 17 % (или 181 чел.). Также следует обратить внимание, что к 1837 г. в заключении осталось не более 12 %, что свидетельствует о том, что длительное тюремное содержание не было распространено на практике (в острогах главным образом находились либо ожидавшие суда арестанты, либо люди, к которым были применены административные меры, либо осуждённые на срок не более года)². Небольшую долю составляли лица, попадавшие в смиренный и рабочий дома (5,4 %). Согласно губернской статистике, всего в 1833–1844 гг. из рабочего дома было «выпущено» 78 человек (из них вторично поступило 4), из смиренного – 620 (вторично поступило 24). Содержание этих заведений «вполне окупалось работами содержимых»³. Ввиду того, что заключённым назначались в основном непродолжительные сроки, вряд ли можно говорить об избыточной пере-

полненности всех тюрем. К примеру, во время ревизии губернии в августе-сентябре 1840 г. губернатор насчитал во всех местах заключения всего 132 человека⁴.

Архивные документы позволяют привести данные относительно заболевших и умерших во время пребывания в исправительных учреждениях. Так, за 1836 г. заболело 36 человек (или чуть более 3 % от общего числа), причём в самой переполненной губернской тюрьме – 15. В случае необходимости таковых лиц направляли на лечение в городские больницы. В качестве наиболее распространённых заболеваний указывались следующие: «простудная лихорадка, грудные воспаления, цинготные поверхностные раны и чахотка»⁵. Среди необычных болезней указывали на «старость лет» (1 чел.), рану, «сделанную при покушении на жизнь свою ножиком на горле» (1), «одержимость» венерическим заболеванием (1)⁶. Умерло в течение 1836 г. 5 человек (или 0,5 % от общего числа). Учитывая такие показатели, следует признать, что условия содержания заключённых были вполне приемлемыми. Возможно, это следует связывать с деятельностью Попечительного общества о тюрьмах. Так, в 1835 г. члены комитетов, признавая, что деревянные уездные остроги находятся «в самом жалком положении», «вызвались в облегчение казны собственным иждивением не только исправить сии места заключения, но и устроить ещё в них церкви, кои для исправления нрав-

¹ РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 30а. Л. 9.

² ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 735. Л. 18, 30, 39 об., 49, 58, 71 об., 80 об., 92, 103 об., 114, 122, 131 об.

³ ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1423. Л. 14–14 об.

⁴ ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1019. Л. 47.

⁵ ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 735. Л. 19 об., 40, 49, 58 об., 72 об., 81 об., 92 об., 115.

⁶ Там же: Л. 58 об., 115.

Таблица 1

**Сведения о количестве лиц, находившихся в исправительных учреждениях
Вологодской губернии в 1836 г.**

Название города	Название учреждения	Содержалось в течение 1836 г.		Осталось к началу 1837 г.	
		муж.	жён.	муж.	жён.
Вологда	Смирительный дом	37	12	3	2
	Рабочий дом	8	0	0	0
	Губернская тюрьма	324	52	33	8
Грязовец	Городовая тюрьма	57	15	11	1
Кадников	Городовая тюрьма	29	4	8	0
Вельск	Городовая тюрьма	13	5	5	0
Тотьма	Городовая тюрьма	12	3	2	1
Устюг	Городовая тюрьма	101	5	15	0
Никольск	Городовая тюрьма	52	21	5	6
Сольвычегодск	Городовая тюрьма	17	12	5	0
	Городническое правление	135	33	0	0
Яренск	Городовая тюрьма	22	8	3	2
Устьсысольск	Городовая тюрьма	37	8	17	0
Лальск	Городовая ратуша	34	2	0	0
Красноборск	Городовая ратуша	2	1	0	0
Всего в губернии		880	181	107	20

Источник: ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 735. Л. 18, 30, 39 об., 49, 58, 71 об., 80 об., 92, 103 об., 114, 122, 131 об.

ственности арестантов и душевного их спасения существенно необходимы»¹. Конечно, в Вологодской губернии привлечение крупных пожертвований и губернским, и уездными комитетами не было рядовым явлением. Однако в 1840 г. в отчёте по результатам ревизии губернии губернатор отмечал, что «в Вологде тюремное заключение содержится превосходно; в уездных же городах хотя по тесноте тюремных зданий большей частью арестанты разделяются только по различию полов, но тюремные комитеты имеют надлежащий надзор за нравственностью их и соблюдением чистоты в острогах»².

¹ РГИА. Ф. 206. Оп. 2. Д. 1333. Л. 3 об.

² ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1019. Л. 47.

В 1840-е гг. к комитетам фактически перешла функция по хозяйственному обеспечению мест заключения, реализация которой осуществлялась за счёт «капиталов», формируемых из казённых и частных средств, а также за счёт штрафов, взыскивавшихся с осуждённых.

Конечно, следует упомянуть и об изменениях в правовой сфере, напрямую повлиявших на развитие пенитенциарной системы. Речь идёт о систематизации уголовного законодательства и появлении в 1832 г. Свода законов уголовных, а также о разработке и введении в действие Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. В этих документах лишение свободы (арестантские роты, рабочие и сми-

Таблица 2

Осуждённые к лишению свободы в Вологодской губернии в 1840-е гг.

Категории преступлений	Общее число арестантов		Категории населения							Возрастные категории			
	муж.	жен..	дворяне и чиновники	иные сословия, изъятые от телесных наказаний	городские обыватели, не изъятые от телесных наказаний	казённые крестьяне	помещичьи крестьяне	прочие простолудины	менее 20 лет	от 20 до 40 лет	от 40 до 60 лет	более 60 лет	
Против веры	21	1	1	0	1	11	6	3	0	11	8	3	
Против правительства	36	0	0	0	1	33	2	0	0	19	15	2	
Должностные	1	0	0	0	0	1	0	0	0	0	1	0	
Против уставов казённого управления	1	0	0	0	0	1	0	0	0	1	0	0	
Против монетного устава	15	0	0	0	0	7	7	1	0	7	7	1	
Против устава питейного сбора и акциза	6	0	0	0	2	1	2	1	0	3	3	0	
Против благоустройства и благочиния	85	17	4	2	12	39	28	17	4	48	46	4	
Бродяжничество и побег	331	82	0	0	6	40	230	137	30	203	146	34	
Против прав состояния	9	1	0	0	0	0	10	0	0	0	3	7	
Против жизни и здоровья	31	29	0	0	4	35	11	10	1	33	23	3	
Убийство	248	47	1	0	7	196	62	29	11	177	86	21	
Нанесение ран и увечий	25	1	1	0	0	17	5	3	2	16	6	2	
Оскорбление чести	2	0	0	0	0	1	1	0	0	1	1	0	
Против прав семейственных	13	6	2	0	0	15	0	2	3	8	7	1	
Против собственности	3	0	0	0	0	2	1	0	0	3	0	0	
Поджигательство	21	7	4	0	1	10	9	4	1	17	5	5	
Разбой	17	0	0	0	4	12	1	0	0	13	4	0	
Грабёж	40	0	0	0	3	21	14	2	2	27	11	0	
Воровство	438	71	4	10	48	240	140	67	58	235	211	5	
Всего	1348	262	17	12	89	682	529	276	112	822	583	88	

Источники: ГАВО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 9. Л. 10.

рительные дома, тюрьмы и крепости) выступало как одно из основных наказаний. Однако реализация этих норм на практике сталкивалась с проблемой острой нехватки мест заключения. В данном случае весьма любопытны статистические показатели, которые удалось обнаружить среди архивных

материалов. В 1850 г. в Вологодском губернском статистическом комитете были собраны и обработаны сведения о численности осуждённых к лишению свободы в 1840-е гг. При этом учитывались их сословная принадлежность и возраст (табл. 2). Всего за десятилетие количество осуждённых к лишению

свободы составило 1610 человек (1348 мужчин и 262 женщины)¹. Это не столь значительные цифры, которые могли бы позволить подтвердить озвучиваемый в литературе тезис о «широком применении» тюремного заключения [9, с. 32]. Медленное строительство тюрем и невозможность одновременно разместить значительное число арестантов в небольших по размерам острогах, в которых вынуждены были содержать и лиц, ожидавших приговора, безусловно, оказывали влияние на судебные решения. Анализ протоколов Вологодской палаты уголовного суда позволяет увидеть, что на протяжении всего изучаемого периода абсолютное большинство приговоров содержали в себе либо наказания, альтернативные лишению свободы, либо более суровые (отдача в солдаты, ссылка)².

Подводя итог, отметим, что в первой половине XIX в. стремление центрального правительства к модернизации

уголовно-правовой сферы в духе европейского пенитенциарного опыта столкнулось со значительными трудностями. Разрабатывавшиеся законодательные нормы не учитывали возможностей и ресурсов российской уголовно-правовой системы и региональных особенностей функционирования мест заключения, сохранявших архаичные черты. На практике в условиях хронического недофинансирования и ситуационного характера правового регулирования создание пенитенциарных учреждений на местах превратилось в длительный и противоречивый процесс. Повсеместно обеспечить условия содержания заключённых в соответствии с законодательными нормами не удалось даже к середине XIX в., что, конечно, затрудняло и исправление осуждённых, и их нравственное перевоспитание.

*Статья поступила
в редакцию 16.08.2019*

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев В. И. Пенитенциарная политика России во второй половине XIX – начале XX века. Тюмень, 2008. 393 с.
2. Батчаева М. К. Деятельность российского «Общества попечительного о тюрьмах» во второй половине XIX – начале XX вв.: на материалах Ставрополя и Кубани: дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2009. 220 с.
3. Бортникова О. Н. Сибирь тюремная: пенитенциарная система Западной Сибири в 1801–1917 гг. Тюмень, 1999. 301 с.
4. Гернет М. Н. История царской тюрьмы: в 5 т. Т. 1. 1762–1825. М.: Госюриздат, 1960. 384 с.
5. Гернет М. Н. История царской тюрьмы: в 5 т. Т. 2. 1825–1870. М.: Госюриздат, 1961. 582 с.
6. Гернет М. Н. История царской тюрьмы: в 5 т. Т. 3. 1870–1900. М.: Госюриздат, 1961. 430 с.
7. Дворянов В. Н. В сибирской дальней стороне... (Очерки истории политической казни и ссылки, 60-е гг. XVIII в. – 1917 г.). М., 1985. 303 с.
8. Детков М. Г. Наказание в царской России. Система его исполнения. М., 1994. 119 с.

¹ ГАВО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 9. Л. 10.

ГАВО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 126.

² ГАВО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 5.
ГАВО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 59.

ГАВО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 163.

9. Казаченок В. В. Пенитенциарные органы и учреждения Казанской губернии (1715–1917 гг.): историко-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2014. 233 с.
10. Кодан С. В. Политическая ссылка в системе карательных мер самодержавия первой половины XIX в.: учеб. пособие. Иркутск, 1980. 95 с.
11. Коняев А. Е. Тюремные учреждения Европейской России в 1879–1917 гг.: социально-экономический аспект деятельности: по материалам Ярославской и Владимирской губерний: дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2010. 210 с.
12. Кузнецова Ю. В. Общеуголовные тюрьмы российском империи в XIX веке (на примере Оренбургской губернии) // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8. № 1 (26). С. 165–169.
13. Локтионова Е. А. Становление и развитие пенитенциарной системы в Курской губернии во второй половине XIX – начале XX веков: дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2004. 183 с.
14. Марголис А. Д. Тюрма и ссылка в императорской России: исследования и археологические находки. М., 1995. 207 с.
15. Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну. Т. 3. СПб., 2015. 992 с.
16. Никитин В. Н. Тюрма и ссылка: 1560–1880 г. Историческое, законодательное, административное и бытовое положение заключённых, пересыльных, их детей и освобождённых из-под стражи со времени возникновения русской тюрьмы до наших дней. СПб., 1880. 674 с.
17. Остроумов С. С. Преступность и её причины в дореволюционной России. М., 1980. 204 с.
18. Павлушков А. Р. Карательно-исправительная система русской православной церкви в имперский период. Вологда, 2014. 250 с.
19. Петренко Н. И., Никифорова И. А. Влияние общества попечительного о тюрьмах на отечественную пенитенциарную систему в первой половине XIX века // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 4. С. 200–203.
20. Печников А. П. Тюремные учреждения российского государства (1649 – октябрь 1917 гг.): историческая хроника. М., 2004. 324 с.
21. Пирогов П. П. Кадровое обеспечение тюремного ведомства Российской империи в XIX – начале XX вв. Мурманск, 2004. 171 с.
22. Таганцев Н. С. Русское уголовное право: Часть общая: лекции. Т. 2. СПб., 1902. 656 с.
23. Упоров И. В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв. Историко-правовой анализ тенденций развития. СПб., 2004. 608 с.
24. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. СПб., 1889. 504 с.

REFERENCES

1. Alekseev V. I. *Penitenciarnaya politika Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka* [Russian Prison Policy in the Second Half of the 19th and Early 20th Century]. Tyumen, 2008. 393 p.
2. Batchaeva M. K. *Deyatel'nost' rossijskogo «Obshchestva popechitel'nogo o tyurmah» vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.: na materialah Stavropolya i Kubani: dis. ... kand. ist. nauk.* [The activity of the Russian «Society of Prison Guardianship» in the second half of the 19th and early 20th century: based on the materials of Stavropol and Kuban: PhD thesis in History]. Stavropol, 2009. 220 p.
3. Bortnikova O. N. *Sibir tyuremnaya: penitentsiarnaya sistema Zapadnoi Sibiri v 1801–1917 gg.* [Siberia of Prisons: Prison System of Western Siberia in 1801–1917]. Tyumen,

1999. 301 p.
4. Gernet M. N. *Istoriya tsarskoi tyurmy. T. 1. 1762–1825* [The History of the Tsarist Prison. Vol. 1. 1762–1825]. Moscow, 1960. 384 p.
 5. Gernet M. N. *Istoriya tsarskoi tyurmy. T. 2. 1825–1870* [The History of the Tsarist Prison. Vol. 2. 1825–1870]. Moscow, 1961. 582 p.
 6. Gernet M. N. *Istoriya tsarskoi tyurmy. T. 3. 1870–1900* [The History of the Tsarist Prison. Vol. 3. 1870–1900]. Moscow, 1961. 430 p.
 7. Dvoryanov V. N. *V sibirskoi dalnei storone... (Ocherki istorii politicheskoy katorgi i ssylki, 60-eg. XVIII v. – 1917 g.)* [In the Siberian far side... (Essays on the History of Political Hard Labour and Exile, 1760's – 1917)]. Moscow, 1985. 303 p.
 8. Detkov M. G. *Nakazanie v tsarskoi Rossii. Sistema ego ispolneniya* [Punishment in Tsarist Russia. The Enforcement System]. Moscow, 1994. 119 p.
 9. Kazachenok V. V. *Penitentsiarnye organy i uchrezhdeniya Kazanskoi gubernii (1715–1917): istoriko-pravovoe issledovanie: dis. ... kand. yurid. nauk* [The penitentiary bodies and institutions of the Kazan province (1715–1917): historical and legal research: PhD thesis in Law]. Kazan, 2014. 233 p.
 10. Kodan S. V. *Politicheskaya ssylka v sisteme karatelnykh mer samodержaviya pervoi poloviny XIX v.* [Political exile in the system of tsarist punitive measures in the first half of the 19th century]. Irkutsk, 1980. 95 p.
 11. Kon'аev A. E. *Tyuremnye uchrezhdeniya Evropeiskoi Rossii v 1879–1917 gg.: sotsialno-ekonomicheskii aspekt deyatel'nosti: po materialam Yaroslavskoi i Vladimirskoi gubernii: dis. ... kand. ist. nauk* [Prisons of European Russia in 1879–1917: socio-economic aspect of the activity: based on the Yaroslavl and Vladimir provinces: PhD thesis in History]. Yaroslavl, 2010. 210 p.
 12. Kuznetsova Y. V. [Ordinary prisons of the Russian Empire in the 19th century (based on the example of the Orenburg province)]. In: *Samarskii nauchnyi vestnik* [Samara Scientific Bulletin], 2019, vol. 8, no. 1 (26), pp. 165–169.
 13. Loktionova E. A. *Stanovlenie i razvitie penitentsiarnoi sistemy v Kurskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX: dis. ... kand. ist. nauk.* [The formation and development of the prison system in the Kursk Province in the second half of the 19th and early 20th century: PhD thesis in History]. Kursk, 2004. 183 p.
 14. Margolis A. D. *Tyurma i ssylka v imperatorskoi Rossii: issledovaniya i arkheologicheskie nakhodki* [Imprisonment and Exile in Imperial Russia: Research and Archaeological Finds]. Moscow, 1995. 207 p.
 15. Mironov B. N. *Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modern. T. 3* [The Russian Empire: from Tradition to Modernity. Vol. 3]. St. Petersburg, 2015. 992 p.
 16. Nikitin V. N. *Tyurma i ssylka: 1560–1880 gg. Istoricheskoe, zakonodatel'noe, administrativnoe i bytovoie polozhenie zaklyuchennykh, peresyl'nykh, ikh detei i osvobozhdennykh iz pod strazhi so vremeni vozniknoveniya russkoi tyurmy do nashikh dnei* [Prison and Exile: 1560–1880. The Historical, Legislative, Administrative and Domestic Situation of Prisoners, Transferred Prisoners, Their Children and Released From Custody from the Beginning of the Russian Prison to the Present Day]. St. Petersburg, 1880. 674 p.
 17. Ostroumov S. S. *Prestupnost i ee prichiny v dorevolyutsionnoi Rossii* [Criminality and its Causes in Pre-revolutionary Russia]. Moscow, 1980. 204 p.
 18. Pavlushkov A. R. *Karatel'no-ispravitel'naya sistema russkoi pravoslavnoi tserkvi v imperskii period* [Penal and Correctional System of the Russian Orthodox Church in the Imperial Period]. Vologda, 2014. 250 p.
 19. Petrenko N. I., Nikiforova I. A. [The influence of the Society of Prison Guardianship on the domestic penitentiary system in the first half of the nineteenth century]. In: *Probely v ros-*

- siiskom zakonodatelstve* [Gaps in Russian Legislation], 2011, no. 4, pp. 200–203.
20. Pechnikov A. P. *Tyuremnye uchrezhdeniya rossiiskogo gosudarstva (1649 – oktyabr 1917 gg.): istoricheskaya hronika* [Prison Institutions of the Russian State (1649 – October 1917): Historical Chronicle]. Moscow, Historical Chronicle Publ., 2004. 324 p.
21. Pirogov P. P. *Kadrovoe obespechenie tyuremnogo vedomstva Rossijskoj imperii v XIX – nachale XX vv.* [Personnel Support of the Prison Department of the Russian Empire in the 19th and early 20th century]. Murmansk, 2004. 171 p.
22. Tagantsev N. S. *Russkoe ugolovnoe pravo: Chast obshchaya. Lektsii. T. 2* [Russian Criminal Law: General Part. Vol. 2]. St. Petersburg, 1902. 656 p.
23. Uporov I. V. *Penitentsiarnaya politika Rossii v XVIII–XX vv. Istoriko-pravovoi analiz tendentsii razvitiya* [Penal Policy of Russia in the 18th–20th Centuries. Historical and Legal Analysis of the Trends]. St. Petersburg, 2004. 608 p.
24. Foinitsky I. Y. *Uchenie o nakazanii v svyazi s tyurmovedeniem* [The Doctrine of Punishment in Connection with Prison Studies]. St. Petersburg, 1889. 504 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Плех Олеся Анатольевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра «История России XIX – начала XX вв.» Института российской истории Российской академии наук;
e-mail: plekh@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olesya A. Plekh – PhD in History, researcher of the Center «History of Russia of the 19th – early 20th Centuries», The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: plekh@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Плех О. А. Развитие системы пенитенциарных учреждений в провинции в первой половине XIX в. (на материалах Вологодской губернии) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 4. С. 26–40.
DOI: 10.18384/2310-6794-2019-4-26-40

FOR CITATION

Plekh O. A. Development of the system of penitentiary institutions in the province In the first half of the 19th century (on the materials of the Vologda province). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2019, no. 4, pp. 26–40.
DOI: 10.18384/2310-6794-2019-4-26-40